BF
408

Из Лезинскаго Сборника по теории и психологии Творчества

т. VII. 1916.

Прот. 38

197679

Просъ. 1[illegible]

Эврологія или всеобщая теорія творчества.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ).

1. Предметъ Эврологіи.

Предлагаемая вторая статья дополняетъ первую статью, носящую то-же заглавіе и помѣщенную въ 5-мъ томѣ настоящаго сборника. Объ статьи вмѣстѣ даютъ болѣе или менѣе закругленный конспектъ эврологіи или, лучше сказать, ея программу, обстоятельное выполненіе которой принадлежитъ будущему. Подъ названіемъ Эврологіи мы разуемъ такую науку, которая разсматриваетъ человѣческое творчество во всемъ его объемѣ, которая ставитъ себѣ задачею истолковать, исходя изъ одной точки зрѣнія, какъ художественное творчество и техническое изобрѣтеніе, такъ и научное открытіе и волевое дѣйствіе.

Повторимъ вкратцѣ содержаніе первой статьи. Послѣ вступительныхъ словъ, перечисленъ рядъ обстоятельствъ, которыя до сихъ поръ мѣшали созданію всеобщей теоріи творчества. Первой и основной помѣхой здѣсь явилось то, что геніальность человѣческую начали изучать съ ея наименѣе доступнаго проявленія, а именно съ крупныхъ геніевъ, вмѣсто того, чтобы ее изучать въ той ея обыденной формѣ (простой догадки), которая всѣмъ намъ такъ близка. Второю помѣхой, тѣсно связанною съ первой, явился взглядъ на научное открытіе какъ на обнаруженіе чего либо, находящагося независимо отъ насъ,—взглядъ на истину, раздѣляемый и въ настоящее время весьма многими. Мы видѣли, что такой взглядъ преодолѣвается релативизмомъ, а въ частности теоріей познанія Эрнста Маха; такъ что, если принять точку зрѣнія релативизма, то открытіе (закона природы) уравнивается съ изобрѣтеніемъ (нѣкоторой умственной формулы).

Далѣе, въ первой статьѣ указанъ рядъ точекъ сближенія между созданіемъ техническимъ и художественнымъ. Оказывается, напримѣръ, что лишь условно можно говорить о томъ, будто художественное произведеніе является самоцѣлью, тогда какъ техническое изобрѣтеніе служитъ-де средствомъ: „Автомобиль есть средство къ тому, чтобы ѣхать такъ-то; Сикстинская Мадонна

есть средство къ тому, чтобы переживать то-то". Но и съ другихъ сторонъ,—со стороны-ли внѣшней, или идейной, или телеологической—тоже нѣтъ достаточныхъ основаній къ тому, чтобы устанавливать слишкомъ глубокое различіе между художественнымъ и техническимъ произведеніями. Аналогическое разсужденіе сближаетъ точно также явленія и изобрѣтенія съ явленіями волевого дѣйствія до возможности разсматривать ихъ тоже какъ виды одного рода.

Въ заключеніе всѣ разсужденія первой статьи сгруппированы тамъ въ одну синоптическую таблицу, назначенную къ тому, чтобы наглядно показать возможность составить одну область человѣческаго творчества изъ его главныхъ разновидностей, какими являются: научное открытіе, художественное произведеніе, техническое изобрѣтеніе и волевое дѣйствіе.

Теперь переходя къ тому, что намъ еще остается разсмотрѣть, спросимъ себя: чѣмъ вообще занимается и должна заниматься эврологія? Небольшое размышленіе показываетъ, что передъ нами четыре основныхъ вопроса: 1) Кто творитъ? 2) Какъ творитъ? 3) Что творится? 4) Какъ творится?... Затѣмъ ясно, что второй и четвертый вопросы только съ разныхъ сторонъ освѣщаютъ творческій процессъ. И такимъ образомъ, предметъ эврологіи слагается изъ трехъ слѣдующихъ предметовъ:

1) Субъектъ творчества,
2) Объектъ творчества,
3) Процессъ творчества.

Предметъ эврологіи былъ отчасти уже затронутъ въ первой статьѣ, а именно, тамъ мы коснулись процесса творчества и его объекта. Первымъ дѣломъ въ настоящей второй статьѣ и будетъ закончить обзоръ предмета эврологіи разсмотрѣніемъ субъекта творчества, т. е. творческой личности.

Когда мы это сдѣлаемъ, то передъ нами выяснится вопросъ: что такое человѣческое творчество. Затѣмъ мы подойдемъ къ нашей темѣ съ другой стороны и постараемся выяснить: что такое не-творчество? Это разсмотрѣніе проведетъ насъ по границамъ нашей области.

Послѣ того у насъ въ рукахъ соберется все необходимое для того, чтобы набросать въ одной картинѣ всю систему эврологіи. И тогда читатель будетъ въ состояніи судить, насколько излагаемая здѣсь картина всеобщей теоріи творчества отвѣчаетъ его нучнымъ интересамъ и основнымъ взглядамъ. Добавочнымъ матеріаломъ для рѣшенія этого послѣдняго вопроса можетъ послужить глава, трактующая о „стилѣ эврологіи".

А въ самомъ концѣ статьи мы себѣ позволимъ сдѣлать небольшую экскурсію въ область предположеній, представить себѣ эврологію уже возмужалою наукой, и постараемся указать ей мѣсто, какъ переходъ къ еще болѣе обширной отрасли знанія, а именно, къ ученію о человѣческой дѣятельности вообще.

Приступаемъ же къ выполненію программы.

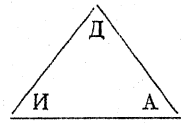
2. Субъектъ Творчества.

Сосредоточиваемъ наше вниманіе на творческой личности. Первымъ вопросомъ будетъ вопросъ о необходимомъ и достаточномъ составѣ творческой личности. Это значитъ, что мы задаемся слѣдующею задачей: по функціи творческой личности попытаться заключить (обратно) о ея составѣ или конституціи.

Личность мы называемъ творческою, поскольку она способна конципировать внутри себя замыслы и потомъ ихъ осуществлять на дѣлѣ. Съ біологической точки зрѣнія творческая личность это такая, которая сама себя осуществляетъ, т. е. сохраняетъ и развиваетъ въ матеріальномъ мирѣ. Разсмотрѣвъ въ первой статьѣ самую типичную изъ функцій творческой личности, а именно процессъ творчества, мы видѣли, что онъ является трехактомъ, т. е. совокупностью такихъ трехъ актовъ: интуитивнаго, дискурсивнаго и активнаго. А если такъ, то мы можемъ этими же словами назвать и тѣ факторы личности, которые необходимимъ и достаточнымъ образомъ дѣлаютъ ее творческой. При этомъ мы, пока-что, должны стремиться лишь къ тому, чтобы по возможности менѣе предрѣшать вопросы о природѣ этихъ факторовъ. Стараясь не упускать изъ вида этой предосторожности, мы говоримъ:

Творческая личность является совокупностью трехъ слѣдующихъ факторовъ:

Интуитивнаго,
Дискурсивнаго,
Активнаго.



Фиг. 1.

Символически можно изобразить творческую личность въ видѣ треугольника И Д А (см. фиг. 1), въ которомъ вершина И изображаетъ интуитивный, Д—дискурсивный, А—активный факторъ творческой личности. Изъ этихъ трехъ факторовъ слагается личность, польскому она способна не только чувствовать, мыслить и желать, но сверхъ

того еще и дѣйствовать, т. е. поступать сообразно своему чувству, воплощать свои мысли и достигать желаемаго [1]).

Во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ тутъ-же замѣтить, что въ личности мы, конечно, ничего треугольнаго не ищемъ, что треугольникъ И Д А назначенъ лишь къ тому, чтобы дать иллюстрацію того свойства факторовъ личности, въ силу котораго они составляютъ личность не иначе какъ только сообща, раздѣльнаго-же существованія не имѣютъ. Сотрите на чертежѣ одну изъ вершинъ треугольника, и самъ треугольникъ перестаетъ существовать. Точно также и личность всегда и вездѣ недѣлима: она вся сразу интуируетъ и размышляетъ и дѣйствуетъ. Разъ творческая личность является многообразіемъ трехъ измѣреній, то ее можно-бы символизировать и не треугольникомъ, а напримѣръ пространственнымъ тѣломъ, принявъ условно три измѣренія пространства за символы факторовъ. Это нисколько не повліяло бы на наши дальнѣйшія разсужденія, но изображеніе на плоскости въ видѣ треугольника проще и нагляднѣе. Вотъ почему ему надо отдать предпочтеніе. Авторъ проситъ только не придавать нашему треугольнику никакого кабалистическаго значенія.

Теперь разсмотримъ факторы творческой личности поодиночкѣ.

Интуитивный факторъ И мы постольку признаемъ въ личности, поскольку она способна на починъ (иниціативу), на самоопредѣленіе. Отсюда исходитъ всякая догадка, всякое предположеніе и предчувствіе. Здѣсь коренится все то инстинктивное, что такъ безсознательно и такъ вѣрно „понимаетъ“ дѣйствительность. Въ коемъ особенно силенъ интуитивный факторъ, тотъ называется сметливымъ, сообразительнымъ, находчивымъ, изобрѣтательнымъ, предпріимчивымъ, тотъ довѣряетъ своему чутью больше, чѣмъ логикѣ, тотъ вѣрно угадываетъ, но не всегда можетъ доказать свою мысль.

Факторъ И обращенъ наружу, онъ воспринимаетъ реальность фактической жизни. Больше того: здѣсь происходитъ прямое общеніе личности съ космосомъ: здѣсь имѣется въ личности окно, и въ это окно космосъ вливается въ личность и входитъ въ нее не какъ постороній элементъ, но какъ необходимая интегрирующая составная часть, нѣчто въ родѣ того, какъ та мор-

[1]) Авторъ впервые изобразилъ творческую личность въ видѣ треугольника въ книгѣ подъ заглавіемъ „Техницизмъ“ (1913), составляющей 4-й вып. серіи „Философія Техники“. То разсмотрѣніе является какъ-бы подготовкой къ излагаемому здѣсь.

ская вода, которая изъ окружающаго океана нарочно накачивается въ самую нижнюю килевую пустоту парохода и служитъ такъ называемымъ жидкимъ балластомъ, безъ котораго судно не плаваетъ, но опрокидывается.

Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ личность составляетъ одно цѣлое съ космосомъ, то очень понятно, что факторъ И видитъ вещи, какъ онѣ есть въ себѣ. Жаль только, что слово „видитъ“ здѣсь не вполнѣ приложимо: факторъ И это—слѣпой инстинктъ. Правда, онъ держитъ въ своихъ рукахъ кончикъ космоса, онъ его щупаетъ. Но здѣсь полная тьма. Вотъ почему выходитъ такъ, что хотя именно здѣсь-то и зарождаются всякія познанія, и можно думать, что зарождаются даже познанія вещей въ себѣ, но всѣ эти познанія чувственны, инстинктивны; отъ нихъ до сознанія доходятъ только отголоски, намеки, гипотезы, предположенія и предчувствія. Да, именно „и предчувствія“. Творческая личность надѣлена предчувствіемъ, и въ немъ тоже нѣтъ ничего потустороннаго. Разъ космосъ и личность составляютъ одно цѣлое, то внутри микрокосмоса личности царятъ тѣ же законы, которые управляютъ и макрокосмосомъ природы. Здѣсь, какъ бы въ малой оптической камерѣ, отражается вселенная, и не только отражается, но сама заходитъ, какъ океанъ въ малую бухту. Та цѣпь природной необходимости, которая связываетъ событія тамъ снаружи, протягивается и сквозь нашу личность. Удивительно-ли, что при такихъ обстоятельствахъ мы болѣе или менѣе удачно забѣгаемъ впередъ событій. Большая или меньшая удача (а не полная достовѣрность) здѣсь зависитъ отъ того, что въ дѣйствительности комбинируется безконечное число элементовъ.

Факторъ И первый встрѣчаетъ дѣйствительность; онъ же опредѣляетъ и позицію, которую личность должна принять при данныхъ условіяхъ. Эта позиція называется чувствомъ, чувствованіемъ, эмоціей, аффектомъ, страстью и т. д. Отъ другихъ, второстепенныхъ факторовъ личности (которыхъ мы здѣсь не разсматриваемъ) зависитъ то, что та позиція, которую для личности диктуетъ факторъ И, иногда представляется сознанію только въ видѣ смутнаго влеченія, иногда же встаетъ въ видѣ яснаго замысла, идеи, или образа.

Здѣсь умѣстно сказать о ближайшей роли фактора И въ творчествѣ. Творческая дѣятельность есть только одно изъ проявленій дѣятельности вообще: одинъ изъ частныхъ ея видовъ, опредѣляемый главнымъ образомъ тѣмъ, что извѣстный поступокъ совершается въ первый разъ. Повтореніе того же поступка называется подражаніемъ. Всякое новое условіе жизни предста-

вляется личности какъ нѣкая задача, разрѣшеніе которой и называется творчествомъ. И вотъ, первое гипотетическое или интенціонное разрѣшеніе всякой новой жизненной задачи зависитъ отъ интуитивнаго фактора И. Рѣшая задачу, онъ, однако, ничего другого не дѣлаетъ, какъ то, что было сказано, а именно: онъ только опредѣляетъ позицію личности передъ задачей... Въ самомъ дѣлѣ, пусть личность видитъ себя передъ новымъ фактомъ, непривычнымъ и непонятнымъ. Функція фактора И должна здѣсь выразиться въ томъ, что онъ подскажетъ сознанію объясненіе факта, т. е. подскажетъ такую мысль, которая связываетъ новый фактъ съ прежнимъ опытомъ. Эта разновидность творчества называется открытіемъ. Возьмемъ другой случай: личность видитъ передъ собою задачу устранить нежелательное явленіе или наоборотъ усилить, продолжить явленіе желательное, или наконецъ вызвать такое явленіе, которое личности предносится въ возможности именно благодаря вышесказанному свойству забѣгать впередъ событій. Функція фактора И въ этомъ случаѣ называется изобрѣтеніемъ, если то чувство или та потребность, которымъ ищется удовлетвореніе, относятся къ порядку утилитарному. Она же назовется художественнымъ творчествомъ или добрымъ дѣломъ, если чувство или потребность принадлежатъ къ эстетическому или этическому разряду.

Здѣсь же, въ вершинѣ И, сосредоточена и та доля геніальности, которая отъ природы бываетъ вкраплена въ каждаго человѣка, если онъ не рожденъ совсѣмъ идіотомъ, лишеннымъ всякой самости. Когда человѣка называютъ геніемъ, то этимъ констатируется не что иное какъ гипертрофія фактора И. А самая элементарная форма геніальности, безъ которой нѣтъ почти ни одного человѣка; это—простая догадка.

Дискурсивный факторъ Д всѣхъ лучше изученъ за 25 вѣковъ существованія европейской науки. Это то, что называется разумомъ, разсудкомъ, интеллектомъ. Здѣсь же сосредоточено и все знаніе, т. е. самосознаніе личности. Функція этого фактора называется мышленіемъ, составленіемъ понятій, сужденій и умозаключеній.

Мыслители выше всего цѣнятъ въ человѣкѣ факторъ Д, какъ привилегію человѣка передъ животнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя не признать за нимъ большихъ преимуществъ по сравненіи съ интуитивнымъ факторомъ И. Интуиція (догадка) своевольна: придетъ, когда вздумается, когда въ ней наибольшая нужда, а ея нѣтъ, насильно ея не вызовешь, приходится дожидаться. А мысли наши, наоборотъ, всегда съ нами. Какъ голландскія женщины, идущія на рынокъ: вынимай изъ кар-

мана спицы да пряжу и продолжай начатый чулокъ. Если некогда? прячь въ карманъ. Кромѣ того, разсудокъ оперируетъ мыслями ясными и раздѣльными, доводитъ эту ясность до какой угодно степени. А то, что даетъ интуиція, почти всегда настолько смутно, что больше похоже на чувство, чѣмъ на мысль. И, хотя несмотря на смутность интуиціи, зачастую мы отдаемъ ей всю свою дань увѣренности и готовы за нее пойти на эшафотъ, но тѣмъ не менѣе, доказать свою увѣренность передъ другими мы, обыкновенно, не можемъ. Итакъ, за дискурсивнымъ факторомъ Д надо признать два огромныхъ преимущества передъ факторомъ интуитивнымъ, а именно: онъ пускается въ ходъ и останавливается по желанію личности, и его работа протекаетъ въ полномъ свѣтѣ сознанія, такъ что можетъ быть во всякое время повторена, провѣрена, доказана или опровергнута. Мышленіе, это цѣпь съ ясно видимыми звеньями. Каждое звено можетъ быть вынуто, испытано на прочность, замѣнено другимъ, если надо. Наоборотъ, интуиція вся тутъ въ одномъ комкѣ: ее либо бери всю цѣликомъ, либо всю отвергай. Она не несетъ на себѣ признаковъ своего происхожденія, а если впослѣдствіи и допускаетъ раздѣленіе на слагающія, то это почти никогда не бываютъ тѣ, изъ которыхъ она въ дѣйствительности сложилась.

Роль разума въ жизни громадна. Когда передъ жизненной задачей молчитъ интуиція, онъ старается опредѣлить позицію личности. Онъ накопляетъ предшествующій опытъ на пользу будущему. Онъ сравниваетъ, взвѣшиваетъ, критикуетъ, провѣряетъ, производитъ выборъ между разными возможностями. Онъ опредѣляетъ годность или негодность самой интуиціи, исправляетъ ее, доказываетъ и вырабатываетъ изъ нея планъ для дѣйствія. Онъ одѣваетъ интуицію въ слова, знаки и образы, годные для передачи другимъ, понятные другимъ. Отъ разума зависитъ всякое движеніе впередъ, всякій прогрессъ (въ противоположность простой эволюціи). Взять хотя-бы самый первый принципъ разумности, принципъ экономическій, сводимый къ формулѣ „do ut des“ и къ слѣдующему разсужденію: потребности наши растутъ безгранично, а силы ограничены тѣсно. Понятно, что только при соблюденіи наивозможной экономіи, при наивозможномъ увеличеніи производительности труда, мы можемъ двигаться по пути прогресса [1]).

[1]) Этотъ взглядъ я впервые развилъ въ книгѣ „Технический итогъ 19 вѣка“ 1898, затѣмъ въ „Dinglers Polytechn. Journal“ 1900 Bd. 315 S. 518. Онъ ложится въ основаніе истинной философіи техники, ибо подъ техникой и разумѣется совокупность того, что увеличиваетъ производительность труда на всевозможныхъ поприщахъ.

Интуитивнымъ элементомъ наша душа связана съ душею животнаго. То же надо сказать и про активный факторъ А, о которомъ рѣчь будетъ ниже. И только дискурсивный факторъ Д, какъ свѣточъ, возвышается надъ міромъ животнаго и является привилегіей человѣка. А разъ человѣкъ явился на землѣ едва ли не послѣднимъ живымъ существомъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что разумъ является наноснымъ, производнымъ и самымъ молодымъ образованіемъ космоса. И безъ всякаго желанія умалить значеніе разума, приходится даже сказать такъ: разумъ появился вначалѣ лишь какъ суррогатъ интуиціи, какъ ея неполный замѣститель, и появился для того, чтобы личность, передъ жизненной задачей, имѣла всегда въ распоряженіи нѣкоторый запасъ возможностей для дѣйствія. Затѣмъ, въ теченіе тысячелѣтій, значеніе этого инструмента для дѣйствія стало все расширяться: разумъ замѣтилъ, что онъ—свѣточъ космоса, а внутри личности онъ увидѣлъ себя ея хозяиномъ, вершителемъ ея судебъ. Ну, въ этомъ онъ зачастую глубоко ошибается: онъ самъ не замѣчаетъ того, какъ всякое разсужденіе, даже самое, повидимому, механически-логическое, на повѣрку оказывается сшитымъ интуиціей, почему и выходитъ, что самые наши неопровержимые доводы часто разлетаются, какъ пухъ, передъ дуновеніемъ аффекта или привычки, что какая-нибудь жужжащая муха мѣшаетъ правильно думать (Паскаль), что доказательство и убѣжденіе—вещи разныя, что иногда разумнѣе поступать наперекоръ разуму, отдаваясь житейскому инстинкту и чутью.

Тотъ человѣкъ, въ комъ дискурсивный факторъ особенно сильно развитъ и преобладаетъ надъ другими, отличается разсудочностью. Это типъ интеллектуалиста, ищущаго всему логическихъ доказательствъ и довѣряющаго только разуму. Онъ даже пренебрегаетъ фактами ради общихъ правилъ и поклоняется авторитетамъ, признаннымъ за таковые въ его группѣ. Это—гамлетовскій типъ.

Активный факторъ А лишь выполняетъ на дѣлѣ предписанія первыхъ двухъ. Самъ онъ лишенъ всякой иниціативы и выбора; это машина, которую иллюстрируютъ тѣ животныя, которымъ удалили мозговыя полушарія. Но, конечно, эта машина построена изъ живой ткани. Отъ фактора А зависитъ все то, что называется ловкостью, сноровкой, обычаемъ, традиціей, ремесломъ, рутиной. Какъ видно, функція активнаго фактора весьма разнообразна, только сводится она вездѣ къ цѣлесообразному воздѣйствію на матерію. Кромѣ того, въ этомъ мѣстѣ личности заложена и наиболѣе глубокая ея загадка: здѣсь духъ дѣйствуетъ непосредственно на тѣло; здѣсь перекинутъ между обоими мірами

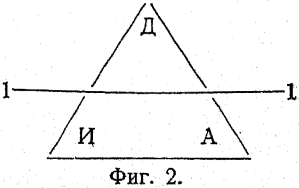
таинственный, но несомнѣнный мостъ. Напримѣръ, меня безпокоитъ муха на щекѣ, я ее прогоняю; мнѣ хочется пить, я себѣ наливаю стаканъ воды. Благодаря активному фактору я не только просто существую, но самъ осуществляю свое существованіе, укрѣпляю, защищаю, расширяю свое бытіе и становленіе. Благодаря ему я прилаживаю къ своимъ потребностямъ доступную мнѣ матеріальную обстановку.

Въ комъ преобладаетъ активный элементъ надъ другими, тотъ отличается импульсивностью, быстротой рѣшеній, но и необдуманностью ихъ. Его кипучая, подчасъ, дѣятельность проистекаетъ не изъ излишка энергіи или силы воли, а просто изъ невозможности сидѣть безъ дѣла.

То обстоятельство, что эврологическій анализъ творческой личности неминуемо приводитъ къ признанію въ ней активнаго фактора, выводитъ эврологію за границы психологіи и логики куда-то въ предѣлы психофизики и физіологіи. Правда, уже интуитивный факторъ проводитъ между эврологіей и „психологіей творчества“ глубокую грань. Въ самомъ дѣлѣ: разъ въ психологіи преобладаетъ тотъ взглядъ, что ея предметомъ можетъ быть только сознательная душа, то психологія должна отказаться отъ намѣренія исчерпать вопросъ о творчествѣ. Тогда одна только середина процесса попадаетъ въ ея кругозоръ, а начало и конецъ ускользаютъ: ускользаетъ интуитивное возникновеніе перваго замысла, ускользаетъ и конечная стадія,—матеріальное осуществленіе плана.

Повторяемъ: личность едина и недѣлима, она вся интуируетъ, мыслитъ и дѣйствуетъ. Если же мы здѣсь выдѣляемъ въ ней три фактора, интуитивный, дискурсивный и активный, то съ одинаковымъ правомъ могли бы ихъ назвать и не факторами, а потенціями, способностями, функціями, свойствами или сторонами творческой личности, какъ цѣлаго. Большей точности въ выраженіяхъ едва-ли можно достичь, и это потому, что мы стоимъ передъ невыполнимой задачей, а именно: мы хотимъ выразить въ категоріяхъ разума категоріи чувства (интуиціи) и воли. Но, вѣдь, эти категоріи, очевидно, другъ друга не покрываютъ, а иначе не было бы качественнаго различія между чувствомъ (интуиціей), разумомъ и волею.

Возращаемся къ анализу творческой личности. Пересѣчемъ треугольникъ И Д А сѣкущею 1—1 (фиг. 2). Мы отдѣлили сознательную вершину Д отъ безсознательнаго (подсознательнаго) фундамента И А.



Фиг. 2.

Сѣкущая 1—1 изображаетъ, стало быть, такъ называемый порогъ сознанія. Но эта же сѣкущая имѣетъ еще и другое значеніе, опять же чисто условное: она изображаетъ, если можно такъ выразиться, уровень космоса, механическаго и безсознательнаго, который мы теперь себѣ воображаемъ въ видѣ океана. Въ океанѣ космоса плаваетъ, какъ льдина въ морѣ, личность И Д А, причемъ ея темный подсознательный фундаментъ И А погруженъ въ космосъ, а возвышается надъ космосомъ только вершина Д, освѣщенная свѣтомъ сознанія. Послѣднюю изучаетъ психологія; а для подсознательнаго фундамента души еще нѣтъ науки. Что такое фундаментъ И А? Это область инстинкта, это космическая часть души человѣка, это то, что является нашимъ исконнымъ и первобытнымъ достояніемъ, что соединяетъ насъ съ животнымъ; это—*инстинктъ*. А его функція это—*рефлексъ*.

Вспомнимъ себя въ совершенно привычной обстановкѣ. Мы здѣсь живемъ одними рефлексами: думать не приходится; руки и ноги сами знаютъ, находятъ и дѣлаютъ то, что нужно. Чтобы одѣться, напримѣръ, приходится совершить длинный рядъ сложныхъ движеній; но у себя дома мы ихъ совершаемъ до того машинально, что въ это самое время очень крѣпко думаемъ о предстоящихъ дѣлахъ и нерѣдко вырабатываемъ цѣлый планъ на будущее. Рефлексъ есть функція только двухъ факторовъ И и А. Воспринимаетъ жизненную задачу и здѣсь точно также факторъ И и опредѣляетъ позицію личности, а фактически рѣшаетъ задачу факторъ А, производя моторный отвѣтъ на запросъ обстановки. И передача импульса отъ И къ А, нѣчто въ родѣ электрическаго разряда, проходитъ по линіи наименьшаго сопротивленія, т. е. по прямой. Какъ видно, весь процессъ рефлекса протекаетъ подъ порогомъ сознанія.

Теперь представимъ себя передъ жизненной задачей не то что болѣе трудной, а менѣе привычной. На самомъ дѣлѣ, вѣдь это одно и то же: сказать ли, что задача мнѣ трудна, или что она мнѣ непривычна. Что значитъ и то, и другое? Значитъ, что кратчайшій путь между И и А непроходимъ, а посему разрядъ поневолѣ поднимается сверхъ порога сознанія и захватываетъ область фактора Д. Это значитъ, что въ процессъ вступаетъ сознаніе и разумъ (разсудокъ, интеллектъ). Приходится обдумать поступокъ. Возьмемъ излюбленный психологами примѣръ: игру на роялѣ. Кто не страдаетъ на первыхъ урокахъ музыки отъ тѣхъ неимовѣрныхъ усилій вниманія, какихъ стоитъ исполненіе простѣйшей гаммы! Но вотъ, по мѣрѣ упражненія рукъ и усвоенія техники игры, самая игра дѣлается одновременно и болѣе пра-

вильною и болѣе легкою, такъ какъ сопровождается все меньшею и меньшею затратою сознательной работы. Все болѣе и болѣе проторяются прямые пути И—А, все большее и большее ихъ число протекаетъ подъ порогомъ сознанія, и виртуозомъ называется лишь тотъ, у кого они всѣ проходятъ ниже сѣкущей 1-1 (фиг. 2). Только при этомъ условіи исполнитель можетъ „выражать“ своей игрой. На игрѣ законченнаго виртуоза, какъ нельзя лучше, видно, какъ его душа, оставаясь единой, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, раздваивается на безсознательную и сознательную группу процессовъ: подъ порогомъ сознанія идетъ паутина сложнѣйшихъ рефлекторныхъ передачъ, а въ сознательной половинѣ идетъ интенсивная жизнь чувства, фантазіи и мысли. Вильямъ Карпентеръ прекрасно иллюстрируетъ это состояніе піаниста: „Мы должны сразу разбирать двѣ отдѣльныя строки гіероглифовъ; правая рука должна слѣдить за одной строкой, лѣвая за другой. Всѣ десять пальцевъ работаютъ съ такою скоростью, на какую они только способны. Умъ или то, что его замѣняетъ, переноситъ на черныя и бѣлыя клавиши десятки діезовъ, бемолей, и бекаровъ, четвертныя, восьмыя, тридцать вторыя, паузы и всѣ другія музыкальныя премудрости. Ноги тоже не бездѣйствуютъ: онѣ работаютъ педалями, и если вмѣсто фортепіано у насъ органъ, то задача ногъ подчасъ труднѣе задачи рукъ. И въ тоже самое время исполнитель или исполнительница,—*сознательная* исполнительница,—находится на седьмомъ небѣ артистическаго восторга отъ результата такого адскаго труда, или, можетъ быть, вся поглощена пріятной бесѣдой съ господиномъ, переворачивающимъ ноты и совершенно справедливо увѣреннымъ, что она отдаетъ ему всю свою душу“ [1]).

Тоже приходится сказать и про всякое искусство, про всякую дѣятельность: только тогда, когда техника данной дѣятельности спустилась въ подсознательную сферу, т. е. стала рефлекторной и превратилась въ ловкость, только тогда человѣкъ готовъ къ дѣятельности, готовъ къ тому, чтобы преслѣдовать духовныя цѣли и осуществлять идеалы. Отсюда слѣдуетъ, что рефлексъ есть высшая, а не низшая форма дѣятельности. Когда оказывается достаточнымъ одного только рефлекса или автоматизма (т. е. рефлекторныхъ рядовъ), то это служитъ наглядным доказательствомъ того, что личность и окружающая ее обстановка находятся въ гармоніи, въ полномъ взаимномъ приспособленіи. Въ моей первой статьѣ я привелъ согласныя съ этимъ взглядомъ слова Полана: „Автоматизмъ есть выраженіе нашей пріобрѣтенной личности... Воля отмѣчаетъ, наоборотъ, личность въ періодѣ об-

[1]) В. Карпентеръ „Физіологія ума“ § 426.

разованія". Вся первая глава его извѣстнаго труда о волѣ [1]) трактуетъ о переходахъ мѣжду автоматизмомъ и волей, причемъ воля берется въ смыслѣ „моторнаго изобрѣтенія". Для насъ, раздѣлившихъ личность порогомъ сознанія на сознательную и подсознательную части, весь вопросъ сводится къ слѣдующему: проходитъ ли разрядъ между воспринимающимъ элементомъ И и дѣйствующимъ элементомъ А въ подсознательной сферѣ по кратчайшей линіи И—А, т. е. имѣетъ ли мѣсто рефлексъ? или разрядъ поднимается въ сознательную сферу, захватываетъ элементъ Д, т. е. всю личность и въ такомъ случаѣ имѣется налицо волевое дѣйствіе, являющее полную аналогію моторному изобрѣтенію? Поланъ проводитъ еще тотъ взглядъ, что воля родится изъ автоматизма и приводитъ опять же къ автоматизму. Въ привычныхъ условіяхъ жизни пріобрѣтенная и сформировавшаяся личность дѣйствуетъ автоматически; сознаніе, а съ нимъ и воля не участвуютъ. По мѣрѣ усложненія и измѣненія обстановки или по мѣрѣ измѣненія въ запросахъ личности, автоматизма оказывается уже недостаточно. Тогда пробуждается сознаніе и принимаетъ участіе въ дѣйствіи. А это-то мы и называемъ волевымъ дѣйствіемъ. Здѣсь Поланъ тоже ссылается на примѣръ игры на роялѣ. Далѣе: каждый волевой поступокъ проторяетъ передаточные пути (отъ И къ А) и тѣмъ самымъ является зародышемъ новаго автоматизма, или, по Полану,—„новой организаціи личности". Вѣдь автоматическіе машинальные поступки всего вѣрнѣе и выражаютъ личность. И вотъ, когда вновь образовавшійся автоматизмъ удовлетворяетъ, то онъ замѣняетъ волю, которая опять исчезаетъ изъ даннаго района дѣятельности.

Всѣ приведенныя разсужденія и приводятъ насъ къ тому взгляду, что сознаніе есть „неполный автоматизмъ", какъ разумъ есть „неполная интуиція", что идеалъ всякой дѣятельности есть рефлексъ съ упраздненіемъ разума и сознанія. А если кому этотъ выводъ не понравится, тотъ можетъ утѣшиться: къ такому концу никогда человѣчество и дойти не можетъ, потому что это значило бы, что наступило такое однообразіе въ нашихъ потребностяхъ и одновременно въ обстановкѣ нашей жизни, что ничего новаго уже не наступаетъ. Но вѣдь повторенія существуютъ только въ теоріи, а разъ наступаетъ новое, то значитъ, автоматизма и рефлекса не достаточно, значитъ, надо подумать, придумать новый поступокъ, т. е. сотворить, изобрѣсти. Вотъ почему творчество, практически говоря, покрываетъ собою всю нашу дѣятельность; вотъ почему эврологія, т. е. теорія творчества, есть вмѣстѣ

[1]) Fr. Paulhan: „La Volonté" 1903, chap. I.

съ тѣмъ и теорія воли, теорія человѣческой дѣятельности, и въ своемъ высшемъ развитіи, *эврологія превращается во всеобщую теорію дѣятельности или „Активизмъ“*. Къ этому вопросу мы вернемся въ концѣ статьи.

Мы упомянули только объ одной сѣкущей 1—1. Но вѣдь треугольникъ И Д А можно пересѣчь еще двумя сѣкущими, проводя ихъ параллельно сторонамъ И Д и Д А. При этомъ мы раздѣлимъ творческую личность двумя различными способами, а именно: Сѣкущая, параллельная сторонѣ И Д, соединитъ интуитивный факторъ съ дискурсивнымъ и отдѣлитъ факторъ активный. Личность можно будетъ разсматривать какъ-бы раздѣленною на половины воспринимающую и дѣйствующую. Сѣкущая, параллельная Д А, раздѣлитъ личность такъ, что въ одной половинѣ останется одинъ интуитивный факторъ, а въ другую половину отойдутъ факторы дискурсивный съ активнымъ. Этихъ случаевъ мы кратко коснемся въ слѣдующей главѣ.

3. Граница творчества.

Мы знаемъ, что творчество есть явленіе трехстороннее, что оно можетъ и должно быть изучено съ трехъ сторонъ: со стороны субъекта, объекта и процесса творчества. Отсюда мы видимъ, что и границы творчества, точно такъ же, будутъ субъективныя, объективныя и процессуальныя.

Субъективныя границы. Здѣсь область творчества и ея границы опредѣляются составомъ творческой личности (см. гл. 2), которая состоитъ изъ дѣятелей: интуитивнаго, дискурсивнаго и активнаго. Такъ какъ эти три дѣятеля только сообща даютъ изобрѣтеніе, то его не будетъ тамъ, гдѣ не хватаетъ одного изъ дѣятелей. Такъ, если не хватаетъ дѣятеля интуитивнаго, то мы имѣемъ только разсудочную работу. Если въ дѣло не вступаетъ разсудокъ, то имѣется налицо рефлексъ, автоматизмъ, инстинктъ. Если не хватаетъ активнаго дѣятеля, то дѣло не доводится до конца. Такимъ образомъ, со стороны личности границы творчества бываютъ слѣдующія:

1) Когда человѣкъ лишенъ изобрѣтательности, догадки, инициативы, то онъ можетъ быть и дѣятельнымъ, но его дѣятельность будетъ носить печать излишней разсудочности и рутины; она будетъ лишена самостоятельности, будетъ рабски придерживаться готовыхъ образцовъ и правилъ.

2) Когда въ человѣкѣ слабъ разсудочный элементъ (что особенно часто замѣчается среди женщинъ), то его дѣятельность

будетъ отличаться стихійностью; онъ не будетъ знать, почему онъ дѣйствуетъ такъ, а не иначе, но притомъ его дѣйствія могутъ быть и цѣлесообразны.

3) Когда въ человѣкѣ не хватаетъ элемента дѣятельнаго, то получается мечтатель, существо, какъ говорятъ, безвольное, которое знаетъ много и, быть можетъ, полно самыхъ лучшихъ намѣреній, но не въ состояніи проводить ихъ въ жизнь.

Объективныя границы. Здѣсь границы предмета творчества совпадаютъ съ границами культуры. Говоримъ ли мы о мірѣ человѣческихъ созданій, или о культурѣ, мы говоримъ объ одномъ и томъ же предметѣ: нѣтъ въ культурѣ ничего, что не было бы изобрѣтено, и съ другой стороны, нѣтъ изобрѣтенія человѣческаго, которое не входило бы въ составъ культуры. Подраздѣляется культура различно. Такъ, говорятъ о культурѣ матеріальной и духовной; но между обѣими существуетъ широкая пограничная полоса, гдѣ вопросъ подраздѣленія возбуждаетъ споры. Такъ, если несомнѣнно, что напр. мебель и посуда принадлежатъ къ культурѣ вещественной, а ученія религіи къ духовной культурѣ, то нельзя сказать, куда надо причислить такія изобрѣтенія, какъ напр. книгопечатаніе. Далѣе каждое матеріальное изобрѣтеніе имѣетъ неминуемо хоть нѣкоторое духовное значеніе. Возьмемъ хоть комфортъ домашней обстановки, освѣщеніе, отопленіе, вентиляцію, ассенизацію жилищъ. И наоборотъ: всякое произведеніе духовной культуры органически связано съ произведеніями вещественными и не можетъ безъ нихъ осуществиться на дѣлѣ. Возьмемъ хотя бы религію со стороны ея ученія, или кодексъ нравственности, или своды юридическихъ законовъ. Все это должно быть высказано, написано, все требуетъ для своего проведенія въ жизнь извѣстныхъ приспособленій, помѣщеній и мѣропріятій.

Но, впрочемъ, объективныя границы творчества можно проводить и иначе. Мы знаемъ, что объектъ творчества, т. е. изобрѣтеніе, имѣетъ признаками: искусственность, цѣлесообразность, неожиданность и цѣльность. Поэтому, выпаденіе каждаго изъ этихъ признаковъ точно такъ же обозначитъ границу творчества въ этомъ мѣстѣ. Такъ:

1) Гдѣ нѣтъ *искусственности*, тамъ нѣтъ и культуры, тамъ мы найдемъ только природу.

2) Гдѣ нѣтъ *цѣлесообразности*, тамъ либо нѣтъ вообще никакой цѣнности,—каковой случай насъ вовсе не интересуетъ,—либо создана цѣнность, но чисто случайно, т. е. при созданіи цѣнности не преслѣдовалось цѣли. Такой случай надо отнести къ чистымъ находкамъ, гдѣ такъ называемый „случай“ играетъ

главную роль. Только нельзя забывать того, что случай играетъ неминуемо нѣкоторую роль и во всякомъ изобрѣтеніи и открытіи. Не даромъ языкъ такъ слабо различаетъ термины „найти“ и „придумать“. А въ нѣкоторыхъ языкахъ это различіе стерто совсѣмъ. Таково италіанское „trovare“.

3) Гдѣ нѣтъ *неожиданности*, тамъ царитъ методическое мышленіе и логическое умозаключеніе, а не изобрѣтеніе и не открытіе, ибо послѣднія необходимо знаменуютъ собою нѣкоторый скачекъ черезъ логическую пропасть.

4) Гдѣ нѣтъ *цѣльности*, тамъ либо не хватаетъ существенныхъ частей для того, чтобы произведеніе было законченнымъ, либо наоборотъ, передъ нами нѣсколько изобрѣтеній, искусственно соединенныхъ воедино.

Но въ первой статьѣ (см. прилож. табл. 3-ю) мы видѣли, что изобрѣтенія подраздѣляются по формѣ своего существованія на построенія матеріальныя, существующія въ пространствѣ, построенія моторныя, существующія во времени, и построенія умственныя, существующія въ сознаніи. Эта классификація покрываетъ собою вообще все сущее, и потому, не можетъ дать мѣрила для проведенія границы человѣческаго творчества. Въ самомъ дѣлѣ: какъ мы только подумаемъ о какомъ-нибудь предметѣ, такъ онъ неминуемо окажется въ одномъ изъ только-что перечисленныхъ трехъ классовъ. Останется искать внутри каждаго изъ классовъ границы того, что есть и что не есть изобрѣтеніе, и такимъ образомъ, мы будемъ приведены къ одному изъ выше перечисленныхъ критеріевъ для опредѣленія границъ.

Процессуальныя границы. Процессъ творчества, какъ мы знаемъ, соединяетъ въ себѣ признаки какъ субъекта, такъ и объекта. Поэтому, со стороны процесса, нельзя ожидать новыхъ классификацій изобрѣтеній и новыхъ границъ. Процессъ изобрѣтенія есть трехактъ, гдѣ отдѣльные акты суть лишь функціи дѣятелей, составляющихъ творческую личность. Разныя границы творчества со стороны процесса получаются, когда выпадаетъ одинъ изъ трехъ актовъ. Такъ:

1) Когда нѣтъ перваго акта, нѣтъ догадки, интуиціи, элемента геніальности, то передъ нами обыденная разсудочная или рутинная работа, смотря потому, который изъ остальныхъ двухъ актовъ преобладаетъ.

2) Когда нѣтъ второго акта, нѣтъ сознанія и методическаго мышленія, то мы имѣемъ рефлексъ, автоматизмъ.

3) Когда не хватаетъ третьяго акта, то вещь недодѣлана, она существуетъ только въ проектѣ, изобрѣтенія нѣтъ, есть только планъ или даже одно намѣреніе.

4. Система эврологіи.

Остается теперь соединить все вышесказанное въ одну картину, и мы получимъ программу эврологіи, хотя и въ сокращенномъ, но все таки въ систематическомъ изложеніи.

Эврологія изучаетъ творчество человѣка во всѣхъ его разновидностяхъ или проявленіяхъ. Но и само творчество (въ смыслѣ совокупности всѣхъ его разновидностей или проявленій) есть лишь одна изъ разновидностей или одно изъ проявленій человѣческой дѣятельности. Другими словами: всякое творчество есть дѣятельность; но не всякая дѣятельность есть творчество. Творчество есть дѣятельность, вносящая нѣчто новое.

Всякая дѣятельность, а потому и всякое творчество, исходитъ изъ нѣкоторой потребности: послѣдняя ставитъ передъ человѣкомъ цѣль въ образѣ нѣкотораго замысла, изъ котораго вырабатывается планъ, а его выполненіе и заканчиваетъ процессъ. Безконечно разнообразны наши потребности, но всѣ ихъ можно свести на четыре основныхъ идеала: Истину, Красоту, Добро и Пользу. Эти идеалы характерны тѣмъ, что не исключаютъ другъ друга. Имъ отвѣчаютъ четыре цѣнности: научное открытіе, художественное созданіе, добродѣтель и утилитарное изобрѣтеніе... А это и суть четыре основныхъ класса человѣческихъ твореній.

Эврологи считали до сихъ поръ нужнымъ отдѣлять разновидности творчества другъ отъ друга настолько, что между ними не замѣчалось почти ничего общаго, а потому приходилось для каждой отрасли придумывать свою теорію. А если поступить наоборотъ и счесть ихъ только за разные виды одного рода—человѣческаго творчества—то мы тотчасъ же окидываемъ однимъ взоромъ всю область творчества, и ученіе о творчествѣ закругляется въ нѣкоторую систему.

Что касается до предмета эврологіи, то онъ дается формулой: „творецъ творитъ твореніе“ и, какъ видно, самъ собою распадается на субъектъ, на процессъ и на объектъ творчества...

Такимъ образомъ, эврологія подраздѣляется на три ученія: Ученіе *о субъектѣ* творчества, о творческой личности разсматриваетъ цѣли и средства творчества съ субъективной стороны. Если цѣли даются названными идеалами (Истина, Красота, Добро, Польза), то средствомъ является необходимый и достаточный составъ творческой личности, т. е. ея факторы или элементы—интуитивный, дискурсивный и активный.

Ученіе объ *объектѣ* творчества устанавливаетъ понятіе созданія человѣческаго. Содержаніе этого понятія складывается изъ

четырехъ признаковъ: искусственность, цѣлесообразность, неожиданность и цѣльность. По своей конституціи, составу или реальности созданія бываютъ: либо пространственными вещами, либо временными процессами, либо сознательными идеями. А по своей функціи, цѣнности, или эффекту, они бываютъ: либо научными идеями, либо художественными произведеніями, либо этическими дѣяніями, либо утилитарными изобрѣтеніями.

Ученіе о *процессѣ* творчества излагается субъективно и объективно, т. е. опять-таки разъ со стороны субъекта, другой разъ со стороны объекта. Въ терминахъ субъективныхъ процессъ творчества представляется лишь совокупностью функцій вышесказанныхъ трехъ факторовъ творческой личности и распадается на три акта: первый актъ интуиціи или догадки, второй актъ діалектики или методическаго мышленія и третій актъ выполненія на дѣлѣ, актъ ловкости. Съ другой стороны, процессъ творчества излагается въ терминахъ объективныхъ какъ эмбріологія, зарожденіе или онтогенезисъ созданія. При этомъ послѣдовательность актовъ выражается: для вещи словами: принципъ, схема конструкція, для процесса словами: замыселъ, планъ, осуществленіе, а для идеи словами: гипотеза, доказательство, формула.

Все сказанное даетъ канву эврологіи, но именно только канву, на которой тогда только появится рисунокъ этой науки, когда всѣ намѣченныя клѣточки будутъ заполнены подробнѣйшимъ изученіемъ дѣйствительной данности.

Но это еще не все. Вышесказаннымъ путемъ получается положительное содержаніе эврологіи, какъ науки. Его надо будетъ дополнить отрицательнымъ содержаніемъ, т. е. надо будетъ пересмотрѣть подробно, что такое не—творчество? Это разсмотрѣніе проведетъ передъ нами границы области творчества. Отрицательное разсмотрѣніе подсказано положительною частью, а именно: это послѣднее выяснило рядъ признаковъ; изъ нихъ нетрудно выбрать тѣ, которые принадлежатъ къ конституціи понятія творчества и которыхъ выпаденіе обусловитъ не—творчество въ данной точкѣ системы.

Все, что здѣсь сказано, и что, быть можетъ, представляется сложнымъ, представляется такимъ только развѣ въ словесномъ изложеніи, которое поневолѣ растягивается въ одну линію, а при этомъ ускользаютъ связи, расположенныя поперекъ этой линіи. На самомъ же дѣлѣ система эврологіи необычайно проста и прозрачна, если разгруппировать весь матеріалъ на плоскости такъ, чтобы выступили группировки по взаимно перпендикулярнымъ направленіямъ. И вотъ, прилагаемая таблица, надѣюсь, подтвердитъ эти слова.

СИСТЕМА ЭВРОЛОГІИ

ТВОРЧЕСТВО

СУБЪЕКТЪ	О Б Ъ Е К Т Ъ	ПРОЦЕССЪ
а) Цѣли (идеалы):	а) Функція (эффектъ или цѣнность):	
Истина	Научное открытіе	Во всѣхъ случаяхъ процессъ одинаковъ и распадается на Акты:
Красота	Художественное созданіе . . .	
Добро	Этическое дѣяніе	
Польза	Утилитарное изобрѣтеніе . . .	
б) Средства: конституція творческой личности, ея факторы (или элементы):	б) Конституція (составъ):	
	Вещи Пространств.: / Процессы Временные: / Идеи Сознательныя:	
Первый:		Первый актъ:
Интуитивный . .	Принципъ / Замыселъ / Гипотеза .	Интуировать. Догадка.
Второй:		Второй актъ:
Дискурсивный . .	Схема . . / Планъ . . / Доказател.	Думать. Діалектика.
Третій:		Третій актъ:
Активный	Конструкція. . . . / Осуществленіе . . . / Формула .	Дѣлать. Ловкость..
	в) Признаки: Искусственность Неожиданность Цѣлесообразность Цѣльность.	

НЕ—ТВОРЧЕСТВО

Граница субъективная	Граница объективная	Граница процессуальная
а) безъ элемента интуитивнаго:	а) безъ искусственности:	а) безъ 1-го акта:
Недогадливый	Природа.	Подражаніе
Тупой	б) безъ преслѣдованія цѣли:	Рутина
б) безъ элемента дискурсивнаго:	Находка.	Ремесло
Неосмотрительный	в) безъ неожиданности:	б) безъ 2-го акта:
Автоматическій	Логическій выводъ.	Догадка
в) безъ элемента активнаго:	г) безъ цѣльности:	Рефлексъ
Безвольный	Неполное или Составное.	Автоматизмъ
Созерцательный		в) безъ 3-го акта
		Намѣреніе
		Планъ
		Мечтаніе

5. Стиль Эврологіи.

Эврологія, какъ она излагается здѣсь, едва ли можетъ расчитывать на благосклонный пріемъ со стороны философовъ. Скорѣе наоборотъ. Извѣстно, что логика въ наши дни тщательно отгораживается отъ генетизма, а философія—отъ релативизма. А между тѣмъ, имено генетизмъ и релативизмъ составляютъ, кажется, неотъемлемыя принадлежности единой всеобщей теоріи творчества.

Вопросъ о *генетизмѣ* разсмотримъ на конкретномъ примѣрѣ. Пусть передъ нами странной формы осколокъ кремня, и насъ интересуетъ вопросъ: что это, природный ли осколокъ? или палеолитическое орудіе?.—Вопросъ сводится къ слѣдующему: что данный предметъ произошелъ при участіи человѣка, или безъ него?.

Предположимъ, что мы подходимъ къ анализу явленій человѣческаго творчества, заранѣе условившись (въ согласіи съ господствующимъ нынѣ теченіемъ) устранить изъ поля нашего разсмотрѣнія признакъ генетическій. Тогда для насъ дѣлается безразличнымъ: когда, какъ, для чего или почему кремень принялъ такую странную форму? тогда остается вопросъ: камень имѣлъ первоначально форму такую-то, а теперь принялъ иную. Остается только „измѣненіе“, вносимое творчествомъ, но снимается самый основной критерій творчества, который заключается въ томъ, что творческое измѣненіе есть прежде всего измѣненіе, внесенное человѣкомъ. Снимите вопросъ генетическій, и я не знаю, какъ тогда отличить изобрѣтеніе отъ игры природы?—актъ изобрѣтенія отъ простой находки?

Еще серьезнѣе вопросъ о релативизмѣ [1]). Эврологія, какъ она здѣсь излагается, релативна потому, что только при допущеніи положенія, что истина относительна, мы доходимъ до формулы „открытіе=изобрѣтенію“, каковая формула однако необходима для объединенія творческой дѣятельности во всѣхъ ея областяхъ. При этомъ ограничивается объемъ понятія истины до уравниванія этого понятія съ понятіемъ научной истины.

Извѣстно, что въ современной философіи, въ особенности въ Германіи, очень сильно движеніе противъ релативизма,

---

[1]) Релативизмомъ (*или* релятивизмомъ) называется то философское ученіе, согласно которому всякое наше познаніе относительно. Уже Протагоръ (человѣкъ—мѣра всѣхъ вещей) и софисты отрицали абсолютность познанія; по Канту познаніе всецѣло зависитъ отъ основныхъ законовъ самого познающаго разума; по Спенсеру сущность міра недоступна намъ (Непознаваемое).

причемъ возраженія противъ него могутъ быть приведены къ слѣдующему силлогизму:

1) Релативизмъ учитъ, что нѣтъ теорій обязательныхъ.

2) Релативизмъ самъ есть теорія.

Слѣдовательно: Релативизмъ необязателенъ.

По мнѣнію многихъ, это разсужденіе отнимаетъ у релативизма все его значеніе; но съ этимъ мнѣніемъ нетолько трудно согласиться, но даже можно доказать, что мнѣніе это, вмѣсто того, чтобы опрокинуть релативизмъ, напротивъ того, его еще болѣе укрѣпляетъ. Чтобы доказать это, постараюсь доказать еще болѣе общую, но и болѣе парадоксальную мысль, что *необязателенъ* основной логической принципъ, *принципъ противорѣчія.*

Принципъ противорѣчія гласитъ, какъ извѣстно, что изъ двухъ взаимно противоположныхъ (а потому и другъ друга исключающихъ) утвержденій можетъ быть истинымъ только одно. Положеніе это представляется до такой степени очевиднымъ, безспорнымъ и общеобязательнымъ, что принимается всѣми какъ недоступная сомнѣнію аксіома, а потому и принять за основной принципъ логики. И вотъ, несмотря на такое общее признаніе, приходится рѣшиться на покушеніе противъ логическаго самодержавія принципа противорѣчія...И здѣсь тоже, наивный взглядъ видитъ, „что король нагъ“. Оказывается, что если на принципъ противорѣчія посмотрѣть наивными глазами, то сразу видно, что онъ уже потому лишенъ самодержавія, что не самъ собою держится, но держится за нѣчто постороннее и даже не за общій или основной законъ всякаго мышленія, а за совершенно условное пониманіе „истинности“. Подробное развитіе выдвигаемаго здѣсь возраженія противъ всеобщности принципа противорѣчія приходится отложить до другого раза. А здѣсь мы ограничимся только иллюстраціей этого возраженія.

Преставимъ себѣ, что спорятъ двое: одинъ утверждаетъ, что истина относительна, другой признаетъ ея абсолютность. Перваго назовемъ релативистомъ, второго—абсолютистомъ. Релативистъ говоритъ: „Истины въ Вашемъ смыслѣ нѣтъ, а есть только истинность бо́льшая или меньшая, а это означаетъ, что высказыванія имѣютъ бо́льшую или меньшую познавательную цѣнность. Всякое знаніе есть для меня не больше какъ познаваніе, всякая истина (выраженная словами или другими знаками)—не больше какъ инструментъ для дальнѣйшаго познаванія. Поэтому, истина, по моему, относительна, временна и мѣстна“. Обратное утверждаетъ абсолютистъ: „А для меня, наоборотъ, истина абсолютна, т. е. не зависитъ ни отъ времени, ни отъ мѣста, а потому

она для всѣхъ обязательна. Изучаю я не познаваніе, но знаніе, очищенное отъ познаванія (и даже отъ мышленія)".

Насъ не интересуетъ здѣсь исходъ спора абсолютиста съ релативистомъ, интересна только разница въ позиціи того и другого. Вникнемъ же въ позиціи обоихъ. Нетрудно видѣть, что не абсолютистъ, но релативистъ занимаетъ наиболѣе выгодную, даже абсолютную позицію. Это вотъ почему: абсолютистъ вынужденъ отрицать высказываніе своего противника, между тѣмъ какъ релативистъ свободенъ отъ такой необходимости. Этимъ я хочу сказать вотъ что: Возьмите на выдержку любое ученіе (философему, доктрину, критерій, взглядъ, направленіе, принципъ, школу, точку зрѣнія), постройте этому ученію прямую противоположность и представьте себя въ необходимости выбрать одно изъ двухъ. Не ясно ли, что принятіе одного ученія неминуемо сопряжено съ отрицаніемъ противоположнаго ему. Конечно. Но вотъ исключеніе: отъ сказаннаго принужденія (принять одно и отказаться отъ другого) свободенъ релативизмъ; для релативизма не обязателенъ принципъ противорѣчія. Это сейчасъ увидимъ яснѣе на примѣрѣ.

Возвращаемся къ нашему воображаемому спору абсолютиста съ релативистомъ. Абсолютистъ долженъ сказать своему противнику: „Я не могу принять Вашего взляда уже по тому одному, что, принявъ его, долженъ отказаться отъ своего". А релативистъ скажетъ абсолютисту: „А я Вашъ взглядъ принять могу и въ то-же время могу не измѣнять своему взгляду. Въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь что я утверждаю? Я утверждаю, что любое высказываніе тѣмъ истиннѣе, чѣмъ оно цѣлесообразнѣе въ познавательномъ отношеніи для даннаго лица. Разъ Вамъ удобно абсолютное толкованіе истины, разъ оно помогаетъ Вамъ прогрессировать въ познаніи, то я противъ него ничего не имѣю, ибо Вы съ Вашимъ взглядомъ вполнѣ входите въ мою формулу".

Изъ приведеннаго разсужденія явствуетъ, что релативизму принадлежитъ позиція, совершенно исключительная по прочности, даже, можно сказать, неуязвимая. Въ самомъ дѣлѣ: изъ всѣхъ отдѣльныхъ ученій релативизмъ едва ли не единственное въ томъ отношеніи, что не обязано отрицать своего отрицанія, а потому и само послѣднимъ не отрицается.

Вотъ эту-то выгодную позицію релативизма мы и принимаемъ и постараемся теперь ее опредѣлить подробнѣе. Тѣмъ самымъ опредѣлится и стиль эврологіи.

Эврологіей должна быть такая наука, которая изучаетъ и толкуетъ по одному плану всю область человѣческаго творчества. Область эта подраздѣляется на четыре крупныхъ отдѣла, а именно:

научное открытіе, художественное созданіе, техническое изобрѣтеніе и практическое дѣйствіе, причемъ въ послѣдній отдѣлъ включается и нравственное поведеніе. Чтобы можно было подступиться къ этимъ четыремъ отдѣламъ съ однимъ толкованіемъ, необходимо прежде всего выбрать такую точку зрѣнія, при свѣтѣ которой эти отдѣлы являются лишь видами одного рода. Такой взглядъ и даетъ релативизмъ. Онъ объединяетъ открытіе съ изобрѣтеніемъ настолько, что одинаково пріемлемо дѣлается: либо назвать открытіе изобрѣтеніемъ, либо изобрѣтеніе назвать открытіемъ. Что до остальныхъ разновидностей творчества, до художественнаго и практическаго съ этическимъ, то здѣсь родовое сходство съ изобрѣтеніемъ замѣчается безъ всякихъ вспомогательныхъ пріемовъ. Итакъ, наша позиція отличается взглядомъ на „истину“ лишь какъ на „истинность“ высказываній, (какъ на инструментъ для познаванія), причемъ истинность бываетъ тѣмъ большая, чѣмъ болѣе данное высказываніе (про которое истинность утверждается) способствуетъ познаванію. Вотъ что мы утверждаемъ, становясь на точку зрѣнія релативизма. Но отсюда вовсе не вытекаетъ для насъ необходимости отрицать противоположный намъ взглядъ абсолютизма, утверждающаго, что истина вѣчна и едина и т. д. Все равно, взглядъ абсолютизма тоже не утверждаетъ, будто мы овладѣли хоть въ какой-нибудь мѣрѣ абсолютной истиной: онъ говоритъ лишь о приближеніи къ истинѣ, какъ къ предѣлу. Абсолютистъ говоритъ объ единой и вѣчной истинѣ только тогда, когда восходитъ въ область чистаго „знанія“; а тогда, когда онъ спускается въ доступную намъ область „познаванія“, то его высказыванія уже ни въ чемъ не противорѣчатъ высказываніямъ релативиста.

Вотъ каковъ стиль Эврологіи.

6. Активизмъ.

Въ заключеніе дозволимъ себѣ нѣкоторую игру ума и, заглянувъ впередъ исторіи, представимъ себѣ, что имѣемъ вполнѣ выработанную теорію творчества, причемъ для насъ теперь безразлично, получилась ли такая теорія дальнѣйшимъ развитіемъ той программы, которая здѣсь намѣчена подъ названіемъ эврологіи, или же теорія творчества вылилась совсѣмъ въ другую форму. Все равно; мы предполагаемъ только, что наконецъ-то находимся въ обладаніи такой теоріи, которая съ достаточной полнотой, ясностью и законченностью освѣщаетъ всѣ разновидности человѣческаго творчества. И теперь, спрашиваемъ себя:

каковъ будетъ предположительно слѣдующій шагъ? какъ можно думать, слѣдующимъ шагомъ будетъ расширеніе теоріи творчества въ теорію (человѣческой) дѣятельности, каковую теорію мы, для краткости, назовемъ *Активизмомъ*. Попытаюсь привести нѣсколько соображеній въ пользу активизма.

Расширеніе области изслѣдованія явится само собою потому, что вѣдь вся творческая дѣятельность есть не болѣе какъ половина дѣятельности вообще, такъ какъ наша дѣятельность, очевиднымъ образомъ, складывается изъ *творчества и подражанія*. Что касается до подражанія, то оно представляетъ менѣе темныхъ сторонъ, чѣмъ творчество съ его интуитивнымъ (спонтаннымъ) зарожденіемъ замысла. Поэтому, подражаніе уже и изучено полнѣе. Назвать хотя бы монографію о подражаніи Тарда. Но мы не останавливаемся на содержаніи ученія и сосредоточиваемъ вниманіе на границахъ новаго предмета изслѣдованія. Спрашивается: Каковъ составъ того предмета, который мы называемъ человѣческой дѣятельностью? Посмотримъ.

Здѣсь намъ является на помощь Аристотель со своимъ дѣленіемъ человѣческой дѣятельности на теоретическую, практическую и творческую (или пойетическую). А такъ какъ, съ другой стороны, отъ Аристотеля до насъ не дошло точнаго опредѣленія этихъ трехъ отраслей дѣятельности, то мы имѣемъ въ этомъ нѣкоторый просторъ, которымъ и пользуемся. Теоретическую дѣятельность толкуемъ въ согласіи со взглядомъ Маха (см. статью 1-ю) какъ приспособленіе мыслей къ фактамъ (и мыслямъ), творческую дѣятельность понимаемъ какъ обратное первому приспособленіе фактовъ къ мыслямъ, а практическую—какъ приспособленіе фактовъ къ фактамъ. При такомъ толкованіи, мы вправѣ соединить обѣ послѣднія дѣятельности—практическую съ творческой—въ одну группу, въ которой факты приспособляются нами къ нашимъ мыслямъ (и фактамъ). Слова „и къ фактамъ“ потому могутъ быть заключены въ скобки, т. е. быть поставлены на второй планъ, что вѣдь понятно, что подъ „фактомъ“ приходится разумѣть не что иное, какъ наше представленіе о фактѣ, стало быть, опять-же нашу мысль.

И вотъ, передъ нами выяснился тотъ предметъ, который изслѣдуется активизмомъ и который есть, въ сущности, область нашей дѣятельности. Дѣятельность распадается на два обширныя поля. Въ первомъ мысль приспособляется къ фактамъ (и мыслямъ), во второмъ, наоборотъ, фактъ приспособляется къ мыслямъ (и фактамъ). Первое поле дѣятельности называемъ дѣятельностью *субъективирующею*, второе называемъ дѣятельностью *объек-*

тивирующею. Дѣятельность перваго рода назовемъ еще дѣятельностью теоретическою, а дѣятельность второго рода—дѣятельностью практическою. Не гоняясь за особенной точностью выраженій (такъ какъ мы, все равно, вращаемся теперь въ области предположеній), и кромѣ того, не боясь моднаго нынѣ упрека въ психологизмѣ, мы можемъ достигнуть еще большей краткости, если отожествимъ первую дѣятельность (теоретическую) съ мышленіемъ, какъ дѣйствіемъ нематеріальнымъ, а вторую (практическую)—съ дѣйствіемъ матеріальнымъ, причемъ отличительнымъ признакомъ послѣдней является механическая—мускульная—работа.

И вотъ, окончательно, мы подраздѣляемъ всю нашу дѣятельность на *1) Мышленіе и 2) Матеріальное дѣйствіе*.

Остановимся здѣсь на минуту, чтобы выяснить слѣдующій вопросъ: которая изъ двухъ отраслей человѣческой дѣятельности больше привлекла вниманіе мыслителей и подверглась болѣе подробному изслѣдованію? На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: со времени эллинскихъ мудрецовъ и вплоть до нашихъ дней мыслители почти исключительно отдались изученію мышленія (и его результата—знанія), и почти не удѣляютъ вниманія практическому дѣйствію. Почему это такъ вышло?—Быть можетъ, причина этому отчасти такая. Въ классическомъ мірѣ вся культура, общество и государство держались какъ надстройки на томъ реальномъ фундаментѣ жизни, который строился „самъ собой“ незамѣтнымъ и безплатнымъ физическимъ трудомъ рабовъ. На долю интеллигенціи оставалась въ то время только слѣдующая чисто умственная дѣятельность: направлять жизнь политикою и правомъ, улучшать этикой, украшать искусствомъ и истолковывать наукой. Но совсѣмъ не то мы видимъ въ наше время. Теперь мы всѣ являемся строителями матеріальной жизни. Нѣтъ болѣе незамѣтнаго и безплатнаго труда: всякій трудъ учитывается и оплачивается, т. е. теперь ни одинъ трудъ не считается равнымъ нулю, какъ рабскій трудъ въ древности. Всякій трудъ заявляетъ теперь свои права, и впервые возникло новое понятіе: *трудъ*, понятіе, едва ли не центральное во всей современной общественности.

Мы вовсе не собираемся толковать терминъ „трудъ“ въ томъ узкомъ смыслѣ, при которомъ онъ покрываетъ собой лишь трудъ физическій, или даже хозяйственный. Нѣтъ, этимъ терминомъ мы покрываемъ весь трудъ человѣка, въ томъ числѣ и трудъ умственный.

Возвращаясь къ нашей темѣ, мы говоримъ такъ: мыслители

до сихъ поръ исключительно отдавались лишь изученію труда умственнаго и теоретическаго, оставляя въ сторонѣ трудъ физическій и практическій. Здѣсь намъ могутъ замѣтить, что философія занимается и практикой; назвать хотя бы одного Канта съ его „Критикой практическаго разума“. Но это замѣчаніе, вмѣсто того, чтобы намъ возражать, говоритъ за насъ и ведетъ къ еще болѣе точному выясненію выдвигаемаго здѣсь положенія, что мыслители дарятъ все свое вниманіе теоріи въ ущербъ практикѣ. Въ самомъ дѣлѣ. Что такое „практическій“ разумъ у Канта? Это разумъ, направленный на выработку нормъ поведенія, но не на практическое выполненіе этихъ нормъ. Стало быть, и здѣсь разсматривается не дѣятельность, но приготовленіе къ дѣятельности, разсматрѝвается выработка нормъ, т. е. опять-таки работа умственная, тогда какъ послѣдняя стадія—исполнительная, физическая, техническая—оставляется въ сторонѣ.

Сказанное приложимо и къ эстетикѣ, какъ теоріи художественной дѣятельности, и здѣсь тоже все изслѣдованіе останавливается на нормативной, подготовительной стадіи дѣятельности, а именно: на выработкѣ нормъ. Остальное все, подъ названіемъ техники разныхъ искусствъ, исключается изъ обобщеннаго разсмотрѣнія.

И вотъ мы, кажется, дошли до возможности опредѣлить съ наивозможной точностью тотъ предметъ, который такъ хотѣлось-бы рекомендовать вниманію мыслителей теперь, сейчасъ, сію минуту. Споконъ вѣковъ человѣкъ изучался только со стороны одной изъ его функцій, стороны мыслительнаго труда, т. е. лишь какъ homo sapiens, существо мыслящее. Никто не оспариваетъ законности такого изслѣдованія, не оспариваетъ и необходимости продолжать его. Вопросъ лишь въ томъ, что не настало ли время подойти къ человѣку еще и съ другой стороны и заняться его изученіемъ со стороны практической, беря его въ качествѣ Бергсоновскаго homo faber, или, нѣсколько съ другимъ оттѣнкомъ,—homo technicus? Вотъ въ чемъ вопросъ. Вопросъ, стало быть, въ томъ, чтобы приступить къ изученію объективирующей дѣятельности, т. е. такой, гдѣ матерія приспособляется человѣкомъ къ его мыслямъ. Вотъ эту-то предположительную отрасль знанія мы и называемъ Активизмомъ.

Не предаваясь гаданіямъ о содержаніи активизма, какъ ученія, мы тѣмъ не менѣе позволимъ себѣ привести на выдержку нѣсколько вопросовъ, съ которыми неминуемо встрѣтится изслѣдователь на новомъ пути.

Передъ лицомъ того факта, что творческая личность вопло-

щаетъ въ матеріи зародившіяся внутри нея идеи, возникаютъ слѣдующіе вопросы:

Вопросъ 1-й: Какъ происходитъ внутри личности переходъ отъ нематеріальной идеи къ матеріальному (мускульному) дѣйствію, такому, которое воплощаетъ идею?

Вопросъ 2-й: Какъ вообще можетъ нѣчто матеріальное соотвѣтствовать нематеріальному и наоборотъ? Въ чемъ состоитъ приспособленіе идеи къ явленію и явленія къ идеѣ?

Вопросъ 3-й: Какія ограниченія слѣдуетъ придать казавшемуся прежде столь всеобъемлющимъ принципу causa equat effectum передъ лицомъ техническаго принципа аккумуляціи, а также и въ тѣхъ многочисленныхъ и даже заурядныхъ случаяхъ жизни, когда ничтожная причина вызываетъ дѣйствіе, несоразмѣрно большое?

Вотъ на выдержку три случайно попавшіеся на глаза вопроса активизма... Они даютъ нѣкоторое предварительное понятіе о своеобразности и новизнѣ тѣхъ соотношеній, которыя ожидаютъ изслѣдователя въ области активизма; мы видимъ, что вопросы эти затрагиваютъ весьма глубокіе интересы мыслителя. Послѣднее еще болѣе подтверждается тѣмъ, что намъ еще хочется сказать.

Активизмъ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, можетъ, кажется, внести даже въ формальную логику существенное дополненіе въ сторону мышленія телеологическаго.

Извѣстный технологъ Эрнстъ Гартигъ (1836—1900) многолѣтній членъ германскаго Патентамта, отстаивалъ въ своихъ сочиненіяхъ настоятельную надобность въ логической чисткѣ тѣхъ понятій и отношеній между ними, которыя возникли въ области техники чисто эмпирическимъ путемъ. При этомъ онъ утверждалъ, что и самой логикѣ будетъ чему поучиться у технологіи. Въ качествѣ иллюстраціи къ этой мысли Гартигъ указывалъ на слѣдующее: Логика знаетъ только одну форму подчиненія понятій, а именно, подчиненіе по степени общности и отвлеченности. А между тѣмъ, технологія признаетъ еще и другое подчиненіе: въ ней можно привести массу случаевъ, гдѣ технологъ не задумается признать одно понятіе подчиненнымъ такому другому, которое вовсе не является по отношенію къ первому ни понятіемъ болѣе общимъ и отвлеченнымъ ни даже охватывающимъ первое. Правда, въ технологіи замѣчается множество случаевъ и обычнаго логическаго подчиненія понятій. Въ такой зависимости стоитъ напримѣръ понятіе „портландскій цементъ“ къ понятію „цементъ“. Но есть и подчиненіе другого рода. По мнѣ-

нію Гартига, мы имѣемъ одно изъ такихъ своеобразныхъ *технологическихъ подчиненій* между понятіемъ даннаго способа производства и понятіемъ тѣхъ орудій, которыя служатъ для осуществленія этого способа. Такимъ образомъ, по Гартигу, понятіе кузнечной ковки является высшимъ и подчиняющимъ по отношенію къ понятіямъ молотокъ, наковальня, горнъ. Приходится только высказать сожалѣніе, что Гартигъ, въ оставленныхъ имъ сочиненіяхъ, самъ очень мало выяснилъ эту интересную мысль.

Мнѣ кажется, что то, что Гартигъ называетъ подчиненіемъ технологическимъ, есть въ сущности подчиненіе *телеологическое*. Разсматривая аналитическое сужденіе и подготовительную къ нему работу, логика выдѣляетъ то соотношеніе между понятіями, при которомъ они бываютъ включены другъ въ друга. Такое мышленіе, какъ сказано, имѣетъ мѣсто и въ технологіи, когда дѣло касается классификаціи готовыхъ человѣческихъ твореній. Но очень естественно, что эта точка зрѣнія является мало примѣнимой тамъ, гдѣ дѣло идетъ о созданіи новыхъ, еще несуществующихъ вещей и категорій. Естественно ожидать, что здѣсь потребуется другая логика, которая будетъ отличаться отъ Аристотелевской приблизительно такъ же, какъ въ механикѣ отличается динамика отъ статики. Естественно, что въ технологическомъ, или телеологическомъ мышленіи все направлено впередъ на конечный результатъ и что понятіе или представленіе результата и является здѣсь главнымъ (или, если хотите, высшимъ), а потому и подчиняетъ себѣ понятія или представленія средствъ, ведущихъ къ нему. Но конечно, какъ объясненія Гартига, такъ и слова, только что приведенныя, далеко не рѣшаютъ вопроса о технологическомъ или телеологическомъ подчиненіи понятій; они его только ставятъ.

Вопросъ 4-й: Въ чемъ состоитъ и какія формы принимаетъ технологическое или телеологическое подчиненіе понятій? Вопросъ этотъ имѣетъ общее значеніе и касается далеко не одной техники, какъ таковой, но касается всей дѣятельности человѣка.

Мы коснулись телеологическаго соотношенія понятій; теперь надо коснуться и телеологическаго умозаключенія. Ибо и оно представляетъ нѣкоторый интересъ новизны. О такомъ умозаключеніи говоритъ извѣстный соціологъ Тардъ въ своей „Соціальной логикѣ“ [1]). Онъ тоже противоставляетъ двѣ науки о мышленіи: логику и телеологію, приписывая первой задачу направлять наше знаніе, а второй—управлять волею; такъ что логика смотритъ ввысь, въ сторону отвлеченій, а телеологія глядитъ

[1]) G. Tarde: „La Logique Sociale“, 2-me éd. 1898.

впередъ и мало интересуется отвлеченіями потому, что всегда стремится къ чему либо единичному и конкретному. Мы проходимъ мимо очень любопытныхъ разсужденій Тарда о томъ, что обычная логика предполагаетъ, что всякій силлогизмъ составляется изъ посылокъ, одинаково и вполнѣ достовѣрныхъ; а между тѣмъ въ житейской дѣйствительности всѣ наши предпосылки бываютъ лишь болѣе или менѣе достовѣрны; въ подтвержденіе этого Тардъ разсматриваетъ разные случаи, когда степень достовѣрности въ заключеніи возрастаетъ, когда убываетъ.

Переходимъ къ телеологическому силлогизму Тарда. Это такой силлогизмъ, который управляетъ нашими поступками. Онъ имѣетъ слѣдующую конструкцію:

1) Первая посылка: *цѣль*;
2) Вторая посылка: *средство*;
3) Заключеніе: *долженствованіе*.

Если мнѣ предписана нѣкоторая цѣль, и я знаю средство, то я долженъ осуществить средство, чтобы достигнуть цѣли. Практическая цѣнность телеологическаго силлогизма опредѣляется, по Тарду, степенью довѣрія и желанія, съ нимъ связанныхъ такъ, что долгъ будетъ ощущаться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе желается цѣль и чѣмъ большее довѣріе внушаетъ средство. Нетрудно видѣть, что телеологическій силлогизмъ отлично объясняетъ обычное явленіе,—обращеніе средства въ цѣль: желая достиженія извѣстной цѣли, я долженъ желать наступленія средства, какъ условія наступленія желаемаго. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что вся наша практическая дѣятельность представляетъ изъ себя такой рядъ (или такіе ряды) средствъ, превращенныхъ въ цѣли. Вы видите, какъ много вопросовъ и предметовъ для размышленія даетъ наша область во всякой точкѣ своей площади.

Что касается до заключенія изъ телеологическаго силлогизма, т. е. до выведеннаго долга (долженствованія), то Тардъ раздѣляетъ его на два вида: есть долгъ людей практики, долгъ условный, утилитарный, и есть долгъ людей чести, долгъ абсолютный, нравственный. Далѣе, онъ разъясняетъ, что надо еще различать два случая: когда цѣль мнѣ предписана извнѣ и когда она зародилась во мнѣ. О долгѣ въ полномъ смыслѣ слова можно говорить только въ первомъ случаѣ, потому что тогда, когда мнѣ самому хочется достигнуть нѣкоторой цѣли, то и средство относится не къ долгу, а къ моей волѣ.

Теперь отойдемъ отъ Тарда и разсмотримъ аналогичныя

высказыванія Бона [1]); а потомъ сопоставимъ мысли обоихъ и сдѣлаемъ нѣкоторые выводы. Бонъ логически анализируетъ значеніе терминовъ долга и добра. Мы коснемся только перваго. Въ терминѣ долга (долженствованія) Бонъ выдѣляетъ два значенія: долгъ категорическій и долгъ гипотетическій. Эти двѣ разновидности мы можемъ, въ полномъ согласіи съ Бономъ, назвать долгомъ нравственнымъ и долгомъ техническимъ. Къ познанію перваго ведетъ, по Бону, вопросъ: „Что я долженъ дѣлать?“. Здѣсь спрашивающій интересуется общимъ направленіемъ своей дѣятельности, своего поведенія. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ, по Бону, нѣкоторое приказаніе, заповѣдь или завѣтъ, а смыслъ такого завѣта раскрывается слѣдующими предложеніями: „Ты долженъ дѣлать то, что тебѣ приказываютъ“, или: „Ты долженъ дѣлать то, что служитъ къ удовлетворенію интереса того, кто приказываетъ“. Совокупность всѣхъ такихъ приказаній приводитъ, по Бону, къ „Философіи Нормики“, которая отличается отъ этики только нѣсколько большимъ объемомъ, но которая вся тоже построена на „категорическомъ императивѣ“.

Переходимъ ко второму значенію термина долга, значенію гипотетическому или техническому. Оно дается вопросомъ: „Что я долженъ дѣлать, чтобы достигнуть нѣкотораго опредѣленнаго результата?“ Здѣсь спрашивающій имѣетъ въ виду нѣкоторую опредѣленную цѣль и спрашиваетъ о средствѣ къ ея достиженію. Отвѣтомъ является здѣсь не приказъ, не завѣтъ, а совѣтъ. Приказъ я долженъ выполнить безусловно,—почему тамъ и признанъ императивъ категорическій. А совѣтъ я могу и принять и нѣтъ;—здѣсь императивъ гипотетическій. Совокупность всѣхъ подобныхъ вопросовъ ведетъ, по Бону, къ „Философіи Техники“.

Теперь сдѣлаемъ нѣсколько выводовъ изъ высказываній Тарда и Бона, столь родственныхъ другъ съ другомъ. Вспомнимъ себя въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ жизни, когда намъ приходилось обсуждать напередъ свое поведеніе. Для такихъ-то случаевъ и назначается телеологическій силлогизмъ: онъ имѣетъ ту функцію, чтобы перевести нѣкоторое средство въ (ближайшую) цѣль, которая тѣмъ самымъ превращается въ долгъ, долженствованіе, обязанность... Разумѣется, всякое долженствованіе имѣетъ, кромѣ качественной стороны, еще и сторону количественную, другими словами, долженствованіе можетъ имѣть всѣ степени интенсивности, начиная отъ полной факультативности и кончая полнымъ принужденіемъ или полной необходимостью поступить такъ-то. Можно-ли относить всю факультативность на долю тех-

[1]) Fred Bon: „Über das Sollen und das Gute“, 1898.

ники, а всю принудительность—на долю этики, это еще требовало-бы, кажется, болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія. Правда, на сторонѣ такого распредѣленія стоитъ авторитетъ Канта; но вопросъ въ томъ: не допускаетъ-ли телеологическая область еще и другихъ, новыхъ точекъ зрѣнія?

Выше мы брали цѣль и средство, какъ логическія категоріи. Но вѣдь и то, и другое имѣетъ, въ дѣйствительной жизни, еще и психологическую сторону. Пусть представитель чистой логики намъ скажетъ, что психологическія соображенія не вліяютъ на соотношенія логическія; но по отношенію къ телеологіи еще большой вопросъ: можетъ-ли область телеологіи вообще быть вполнѣ отдѣлена отъ психологіи?

Простое и наивное наблюденіе будетъ такое: Положимъ, я имѣю нѣкоторую цѣль и знаю къ ней средство... Спрашивается: достаточно-ли одного чистаго знанія цѣли и средства для выведенія отсюда долженствованія? Едва ли. Принужденіе начинается повидимому съ первой посылки, т. е. съ первоначальной цѣли. Телеологическій силлогизмъ Тарда говоритъ въ сущности вотъ что: „если я желаю цѣли, то желаю желать и средства“. А все то различіе, на которое указываетъ Бонъ, мнѣ кажется, сводится къ слѣдующей дилеммѣ:

Вопросъ въ томъ: что я желаю цѣли какъ частное лицо? или какъ членъ общества? Въ первомъ случаѣ я желаю того, что мнѣ лично пріятно, удобно или вообще, что устраиваетъ меня безъ всякаго соображенія объ интересѣ другихъ. Во второмъ случаѣ я желаю того, что отвѣчаетъ нѣкоторымъ идеаламъ, среди которыхъ важную роль играютъ интересы моихъ ближнихъ. Всякіе этическіе мотивы попадаютъ, разумѣется, во вторую группу моихъ желаній. И вотъ кажется, что по отношенію къ этой второй группѣ желаній возможны два взгляда. По одному выходитъ, что и все моральное принужденіе этическаго императива сливается, психологически, съ моимъ желаніемъ, а по другому приходится все-таки отличать желаніе спонтанное, выросшее изъ глубины личности, отъ навязаннаго извнѣ приказанія: ременный кнутъ, занесенный надъ рабомъ и моральный кнутъ совѣсти—вещи разныя. А въ промежуткѣ между тѣмъ и другимъ стоитъ гипотетическій императивъ Бона... Предоставляю другимъ углубляться дальше въ затронутую область интересныхъ и вовсе не заѣзженныхъ вопросовъ. А то, что по поводу ихъ сказано, резюмирую такъ:

Вопросъ 5-й: Что такое изъ себя представляетъ телеологическій силлогизмъ? Какіе моменты опредѣляютъ мѣру должен-

ствованія, которое представляетъ изъ себя непрерывную цѣпь отъ чистой факультативности до чистой принудительности?

Но это не все. Телеологическій силлогизмъ принадлежитъ, очевидно, къ сужденіямъ синтетическимъ, такъ какъ обѣ посылки—цѣль и средство—являются вполнѣ внѣшними другъ къ другу. Дальнѣйшее и ближайшее разсмотрѣніе этого рода силлогизмовъ выяснитъ, вѣроятно, что такіе силлогизмы появляются почти всегда группами. Этимъ мы хотимъ подчеркнуть тотъ всѣмъ такъ хорошо знакомый фактъ, что одно слѣдствіе вызывается, почти всегда, нѣсколькими разными причинами, а посему и къ одной цѣли ведутъ обыкновенно разныя средства. А отсюда выходитъ то, что когда въ дѣйствительности передъ нами ставится цѣль, то обыкновенно извѣстно и нѣсколько разныхъ средствъ, чтобы ея достигнуть, а потому, передъ нами встаетъ не одинъ, а цѣлый рядъ телеологическихъ силлогизмовъ, ставящихъ передъ нами такой же рядъ долженствованій, конкуррирующихъ между собой на положеніе того одного долга, который опредѣлитъ нашъ поступокъ въ качествѣ мотива. Вотъ какую интересную форму принимаетъ тотъ средній членъ „взвѣшиванія“, который психологія выдѣляетъ въ явленіяхъ воли. Попутно, здѣсь зарождается слѣдующій вопросъ:

Вопросъ 6-й: Въ какомъ соотношеніи стоитъ множественность причинъ даннаго слѣдствія, къ множественности мотивовъ къ данному поступку, а также къ множественности средствъ при наличности данной цѣли? Какъ происходитъ отборъ между такими конкуррентами? Какъ строится тотъ телеологическій силлогизмъ который въ концѣ концовъ направляетъ дѣйствіе?

Всѣ разсужденія Активизма вращаются около терминовъ: дѣйствіе, дѣятельность, активность, поступокъ и т. п. Термины эти очень мало разсчищены логикой, они неопредѣленны и многозначны. Въ особенности терминъ „дѣйствіе“ означаетъ вещи разныя. Дѣйствуетъ электрическій токъ на магнитную стрѣлку, дѣйствуетъ луна на морскіе приливы, орудійная стрѣльба на дождевыя тучи, удобреніе на урожай, мышьякъ на организмъ и притомъ разныя дозы качественно различно. Дѣйствуетъ погода на расположеніе духа, дѣйствуетъ гипнозъ, дружба, любовь, увѣщаніе (иногда въ діаметрально противоположную сторону), молитва, лесть, подкупъ, субсидія, тарифная ставка, обложеніе, законъ, обычай, привычка, предразсудокъ, вѣра, познаніе. Другими значеніями „дѣйствіе“ переходитъ въ „дѣятельность“ и сливается съ этою послѣднею. Въ этомъ смыслѣ говорятъ объ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ человѣка, о томъ, что онъ началъ дѣйствовать; здѣсь

„дѣйствіе“ дѣлается синонимомъ „поступка“. Но „дѣйствіе“ (поступокъ) человѣка, и „дѣйствіе“ тока на магнитъ, это двѣ вещи настолько различныя, что является вопросъ: каково логическое ядро, общее въ обоихъ случаяхъ? Подобныхъ детальныхъ вопросовъ встрѣтится много. Разумѣется, надо прослѣдить и проанализировать всѣ отдѣльныя значенія подлежащихъ терминовъ. Здѣсь-же мы ограничиваемся лишь бѣглымъ очеркомъ Активизма въ его главныхъ чертахъ. Попутно не упускаемъ изъ вида и томѣсто, которое, въ общей системѣ Активизма, принадлежитъ Эврологіи.

Занимаясь упомянутыми терминами, надо будетъ заняться и ихъ антитезами, напримѣръ, разсмотрѣть такія пары: слушать и слышать, смотрѣть и видѣть, щупать и ощущать, нюхать и обонять, гнѣвъ и страхъ, нападеніе и защита и т. д.

Изъ этого эмпирическаго матеріала извлечетъ Активизмъ свои понятія и категоріи, выдѣляя вездѣ элементъ дѣятельный, активный, которому принадлежитъ починъ, начало, первое появленіе, творчество въ самомъ широкомъ смыслѣ. Заманчивое поле для мыслителей свѣжихъ и самостоятельныхъ! Но, конечно, для разработки Активизма, какъ философской системы, мало одной оригинальности мышленія, мало точно также простого огульнаго отрицанія прошлаго. Требуется такая сила мысли, которая подробно освоится съ прошлымъ и все-таки не потеряетъ свою оригинальность, которая сумѣетъ вплести свое новое слово въ ткань старыхъ философскихъ словъ... Вотъ для такого ума Активизмъ представляетъ значительное и многообѣщающее поле дѣятельности. Вотъ какіе умы должны приняться за логическую чистку подлежащихъ понятій.

Но здѣсь невольно встаетъ вопросъ: можетъ ли такой умъ ограничиться одной только логической чисткой понятій? Едвали. Философемы, вообще говоря, имѣютъ то сходство съ газами, что стремятся къ неограниченному расширенію. Поэтому, можно думать, что и Активизмъ расширится въ нѣкоторое міровоззрѣніе. И при всей осторожности, къ которой обязываетъ прогнозъ въ подобныхъ случаяхъ, можно позволить себѣ рискъ указанія хотя-бы на общее направленіе такого міровоззрѣнія. Исходною точкой будетъ здѣсь *примат активности*, т. е. мысль, что человѣку всего нужнѣе дѣйствовать. А неограниченное расширеніе этого взгляда будетъ достигаться его неуклоннымъ проведеніемъ, т. е. строгимъ приложеніемъ критерія дѣйственности ко всякому отдѣльному вопросу...

Активизмъ подходитъ къ вопросу о дѣятельности съ біоло-

гической стороны, т. е. исходя изъ того основного взгляда, что надъ всѣми императивами, даже самыми категорическими, царитъ наиболѣе категорическій: „*живи!*“. Надо условиться въ слѣдующемъ. Всѣ цѣли человѣка сходятся въ одной точкѣ: „чтобы жить“. Надъ всякимъ Добромъ, Истиной, Красотой, Пользой царитъ Жизнь, недобрая, неистинная, некрасивая и неполезная и даже неразумная въ томъ смыслѣ, что жизнь не покрывается категоріями разума. Жизнь фактична.

Далѣе: для человѣка жить и дѣйствовать, это одно и тоже. Нѣтъ жизни внѣ дѣйствія т. е. дѣятельности. А дѣятельность подраздѣляется на субъективирующую и объективирующую. Первая представлена наукой, вторая искусствомъ (вообще). Первая стремится: понять, объяснить, растолковать, идеализовать, вторая: сдѣлать, построить, воплотить, матеріализовать, осуществить. Первая приспособляетъ мысли къ фактамъ, вторая, наоборотъ, приспособляетъ факты къ мыслямъ. И тотъ и другой результатъ достигается человѣкомъ лишь активно, такъ что лишь условно можно говорить о дѣятельности „рецептивной“ въ смыслѣ воспріятія внутрь извнѣ. Ближе къ стилю Активизма подходитъ современная теорія *вчувствованія*, по которой книга, статуя, картина (да почему-бы и не слово?) не то—что переливаютъ въ насъ переживанія авторовъ, а только будятъ нашу душу. Здѣсь мы касаемся новаго и еще темнаго вопроса о *творчествѣ подъ внушеніемъ*. Что это такое?—И вотъ еще благодарная задача для изслѣдователей.

По нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что общая тенденція Активизма не встрѣтитъ принципіальнаго предубѣжденія въ средѣ современныхъ мыслителей. Общее направленіе, повидимому, и идетъ въ сторону признанія активности даже за простой перцепціей, не говоря уже о послѣдующихъ психическихъ актахъ. Только тезисъ: „открытіе равно изобрѣтенію“ встрѣчаетъ, какъ сказано, вражду. Но вѣдь безъ коллизіи понятій дѣло никогда не обходится при новыхъ взглядахъ. Махъ давно уже установилъ, что такая коллизія необходимо сопровождаетъ всякое нововведеніе мысли и въ свою очередь она-то и приводитъ къ устраненію коллизіи. Надо надѣяться, что такъ будетъ и съ Активизмомъ...

П. Энгельмейеръ.